

Деревня Таохуа.

Группа детей собралась у большого баньяна на окраине деревни. Держась за руки и водя хоровод, они напевали песенку, знакомую каждому в округе, от мала до велика:

— Белая капуста... в поле пожелтела... отца со свету сжила... мать до болезни довела... за Громилу Ли замуж пошла...

Инь Байцай, неся ведро с речными улитками, пойманными в реке, подошел ближе.

— Мелкие мерзавцы! Еще раз услышу, как вы это поете — приду и рты вам зашью! — в гневе прикрикнул на них Инь Байцай.

— Бэ-э-э! — дразнясь, детишки тут же врассыпную бросились прочь, едва завидев его.

Переселение?

Более чем абсурдно!

Да, всё верно, я — тот самый главный герой из песенки, Инь Байцай. Но я не настоящий Инь Байцай: когда я оказался здесь, прежний владелец тела уже отдал концы.

Я был перспективным юношей из двадцать первого века.

Ну, если честно, это ложь.

Ладно, я был обычным городским пацаном — из тех, что вечно ищут приключений. Но не совсем обычным. Я не фанател от модных туфель, не носил кричащих костюмов и не красил волосы во все цвета радуги. Я просто любил тайком наблюдать за красивыми парнями и девушками из старших классов. Может, я слишком поверхностный? Или просто завидовал.

Я сирота, директор приюта подобрала меня прямо у ворот. У меня был шанс когда-нибудь оказаться в такой же старшей школе, усердно учиться и выбиться в люди. Но в середине девятого класса случилось непредвиденное.

Жизнь — штука театральная. Никто не знает, что нагрянет раньше: завтрашний день или беда. Директор заболела, потребовались огромные деньги на лечение. Пришлось бросить школу и пойти работать — ведь она была моим единственным родным человеком. Наш приют был частным, детей немного. Директор так и не смогла забеременеть, из-за чего ее двадцатилетний брак распался. Она открыла этот маленький приют, где жили около двадцати детей. Я был последним, кого она приняла. Все расходы ложились на ее плечи. Позже всех детей разобрали, но она, боясь одиночества, оставила меня. Так мы и жили, опираясь друг на друга.

Пока я работал, денег из-за моего возраста платили мало, хорошо хоть государство немного покрывало расходы. Так мы продержались три года, но она все равно ушла. После ее смерти я остался один в большом пустом доме. Одиночество донимало, и я завел друзей — таких же

ребят, как я, у которых были похожие судьбы: у кого-то умерли родители, кто-то остался брошенным на произвол судьбы... Я привел их к себе в приют, и мы увлеклись короткими видео. Начали играть на камеру образы городских бунтарей, так и заработали немало денег.

Я еще даже не успел их потратить! Мечтал купить директорше место на кладбище получше. Надеюсь, мои братаны исполнят мою последнюю волю.

А потом я переродился. Оказался в теле человека с таким же именем и фамилией. Из его воспоминаний я понял, что теперь я — гээр. У меня на запястье оказалась красная родинка. Говорят, в этой эпохе гээры способны рожать детей. Вот уж век живи — век учись.

Я нахожусь в деревне Таохуа, что в уезде Юйян государства Янь. Самая бедная деревушка во всей округе. Прошел уже месяц с тех пор, как я здесь. Прежнее тело было таким невезучим: пошел в горы накосить травы, сорвался и испустил дух. Кстати, дом у него был самым нищим в деревне, ведь все деньги ушли на лечение матери. Отец пять лет назад отправился в горы на охоту, чтобы заработать на лекарства, получил тяжелое ранение и через несколько дней после возвращения скончался. Мать умерла полгода назад. Зная, что оставит сына одного в этом мире, она дала согласие на предложение Громилы Ли, который как раз вернулся со службы и предложил хороший выкуп. Пять серебряных монет — хоть какая-то гарантия безопасности на будущее.

Почему же семнадцатилетний юноша до сих пор не был просватан? Во-первых, все боялись его вечно больной матери — неизвестно, сколько денег пришлось бы на нее потратить. Во-вторых, родинка на его запястье была бледной, а люди сомневались в его плодовитости. В этих краях по яркости красной метки судили о том, сможет ли гээр принести потомство. Прежний Инь Байцай был самым трудолюбивым в деревне, но злые языки судачили, что у него плохая судьба — он, мол, «пожиратель» отца и матери. Вот люди и обходили его стороной. В государстве Янь гээры, как и девушки, достигали совершеннолетия в пятнадцать лет, а мужчины — только в восемнадцать.

Прежний владелец тела до конца не понимал, зачем Громила Ли вообще пришел свататься. Они почти не были знакомы, виделись всего пару раз. Из воспоминаний я знаю, каким он был в тот день. Он действительно выглядел как человек, прошедший войну — от него исходила пугающая аура. А еще страшнее был ужасный шрам в углу глаза, похожий на многоножку, ползущую по лицу. Говорят, вернувшись, он сразу выгнал семью своего второго дяди, которая захватила дом его старшего брата, а самого племянника забрал к себе. Его дядя, Ли Цзян, после той встречи пролежал в кровати три месяца, а его жена до сих пор разносит по всей деревне сплетни.

Инь Байцай взглянул на ведро с улитками — это был его сегодняшний ужин. Пять монет выкупа, которые дал Громила Ли, ушли на похороны матери. Он купил хороший двойной гроб и похоронил отца и мать рядом. После похорон дом окончательно опустел, и Инь Байцай каждый день, скрежеща зубами, ходил в горы за дикими овощами. Когда я очнулся в этом теле, в доме не было ничего, кроме старых кастрюль и трех хижин с соломенными крышами. Земля была продана еще при жизни его матери. Почти двадцать дней я питался только этой травой. Меня от нее уже тошнит, поэтому сегодня, увидев у реки улиток, я решил наловить их на еду. В деревне их никто не ест, говорят — пахнут тинной и на зубах скрипят. Инь Байцай усмехнулся: просто они не умеют их готовить. Ну и отлично, мне больше достанется.

Он радостно зашагал домой. Некоторые встречные видели улиток и пытались отговорить его, уверяя, что это несъедобно, но он лишь улыбался и качал головой. Остальные не лезли — все знали, как он беден, но помочь никто не мог, ведь сами жили впроголодь.

— А вы заметили, что Цай-гэр стал улыбаться? — прошептала одна женщина.

— И правда, — поддакнула другая. — Раньше он всегда ходил молчаливым и угрюмым.

Инь Байцай знал причину. Он — не тот замкнутый паренек, он — мастер общения. Я с пятнадцати лет работал, начинал помощником на кухне, и болтать с людьми было моей стихией. Когда мы с друзьями изображали из себя крутых парней в сети, приходилось постоянно поддерживать этот образ. В реальности тоже приходилось притворяться. Прямые эфиры, общение с подписчиками — без этого никуда, вот и стал болтливым. Иначе фанаты нас бы «съели», кто бы тогда смотрел наши стримы и донатил? Поэтому иногда я и сам не понимал — притворяюсь я или это просто моя истинная натура прорывается наружу.

<http://bllate.org/book/21859/2268321>